

С. Н. СЫРОВАТКИН

ЗНАЧЕНИЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ И ФУНКЦИИ ЯЗЫКА В СЕМИОТИЧЕСКОЙ ТРАКТОВКЕ

0. В предлагаемой заметке рассматриваются две в значительной степени перекрывающиеся фундаментальные проблемы языкознания — вопрос о характеристиках высказывания как целого в плане содержания и, в связи с этим, вопрос о функциях языка. Указанные проблемы, несомненно, принадлежат к числу наиболее актуальных и широко дискутируемых¹. Полагаем, что их выяснению может способствовать анализ соответствующих понятий в рамках лингвосемиотики — дисциплины, использующей результаты общей семиотики и ориентированной на естественный язык.

1. Приведем некоторые исходные определения. Термин «высказывание» — один из редких в лингвистике почти однозначных терминов: он регулярно обозначает отрезок говорения, отграниченный от аналогичных единиц сменой говорящего лица². Синектохически этот же термин употребляется и в смысле «минимальное высказывание», т. е. высказывание, не делимое далее на единицы с теми же признаками. В этом же последнем смысле используются термины «предложение»³ и «фраза», как в настоящей работе. С формальной стороны фраза характеризуется как интонационная единица.

Гораздо более сложным оказывается определение понятия «содержательные характеристики минимального высказывания, или фразы». Пока ограничимся самыми предварительными, рабочими определениями. В качестве исходного момента возьмем некоторые наблюдения, сделанные еще древнегреческими философами. То, что в современной семиотике называется семиотической ситуацией, или семиозисом, было вполне компетентно описано уже Платоном в связи с чисто семиотической проблемой эквивалентности звукового и незвукового языков⁴. Семиозис — такая ситуация, в которой используется известное средство («органон») «объяснять друг другу вещи», т. е. осуществлять коммуникацию. Ясно, что в каждом непосредственно данном акте семиозиса коммуникативная функция реализуется в высказывании и минимальном высказывании.

¹ Достаточно указать, что в коллективной монографии «Общее языкознание» (М., 1970) функции языка рассматриваются с разных точек зрения почти каждым из авторов разных глав.

² См.: Ch. F r i e s, *The structure of English*, London, 1957; K. L. P i k e, *Language in relation to a unified theory of the structure of human behavior*, Glendale, 1955. Для этой единицы предлагался термин-калька «эттерема» (см.: О. С. А х м а н о в а, К вопросу об основных понятиях метаязыка лингвистики, ВЯ, 1961, 5). Иные употребления этого термина редки (см., например: Д. С. У о р т, Об отображении линейных отношений в порождающих моделях языка, ВЯ, 1964, 5).

³ См.: П. С. П о п о в, Суждение и предложение, «Вопросы синтаксиса современного русского языка», М., 1950; Е. В. К р о т е в и ч, Предложение и его признаки, Львов, 1954.

⁴ «Античные теории языка и стиля», М.—Л., 1936, стр. 47.

Естественно определить фразу по ее функции как инструмент осуществления коммуникации — знаковый коррелят незнаковых сущностей, относительно которых в акте коммуникации устанавливается взаимопонимание.

В тесной связи с приведенной характеристикой высказывания стоит одна его специфическая черта, также подмеченная в древнегреческой философии. Стоиками был сформулирован тезис о принципиальном отличии предложения как всегда значащей, нечто сообщающей единицы от всех других типов единиц, составляющих языковой универсум, например, от слов⁵: «Слово отличается от предложения тем, что предложение всегда значаще, слово бывает и незначащим, например, βλίτιον, а предложение — никоим образом». В приведенном высказывании стоиков нетрудно обнаружить логический парадокс, разрешение которого приводит к интересным заключениям по проблеме содержательных характеристик высказывания. В самом деле, согласно стоикам, слово бывает незначащим, а предложение всегда значаще. Есть основания полагать, однако, что любое слово может (при определенных условиях контекста, включая контекст ситуации) быть предложением. Таким образом, словом-предложением может оказаться незначащий элемент — вопреки основной посылке. Единственный способ преодолеть указанное затруднение — это расщепить понятие значения предложения на значение слова и значение высказывания. В этом случае однословное предложение может не иметь никакого значения как слово, т. е. не быть элементом кода, и тем не менее иметь значение иного, «несловарного» типа.

Возникает вопрос, насколько такая логическая операция оправдана фактами речевой деятельности. Существуют ли такие единицы значения, которые передаются всем высказыванием в целом, а не отдельными его компонентами? По этому поводу высказываются две резко противоположные точки зрения. Некоторые авторы с порога отрицают возможность положительного ответа на поставленный здесь вопрос: «значение предложения сводится к значениям индивидуальных морфем, которые его составляют»⁶. Этому взгляду можно противопоставить мнение Н. С. Трубецкого: «Обозначаемым в речи является совершенно конкретное сообщение, которое имеет смысл как целое»⁷. Такой же точки зрения придерживаются пражские функционалисты в наше время: «с точки зрения содержания (значения) высказывание не является, по-видимому, простой суммой или интеграцией значений отдельных наименований; оно от этих значений в определенной степени не зависит»⁸.

В пользу известной автономности содержания высказывания от значения его компонентов говорит возможность семантизации нерасчлененных или почти нерасчлененных звуковых комплексов, например, высказываний на незнакомом языке, при условии типичности ситуации общения и взаимодействия с неязыковыми семиотическими системами (например, языком жестов). С целью демонстрации этого тезиса было проделано множество экспериментов следующего типа. В аудитории, не владеющей никакими иностранными языками, кроме английского, в ситуациях определенного типа произносились фразы на других языках — немецком, французском, испанском, итальянском, сербском, суахили и др. Результат эксперимента считался положительным, если испытуемый правильно реагировал на реплику на неизвестном языке или давал хотя

⁵ «Античные теории...», стр. 70.

⁶ L. A n t a l, Content, meaning and understanding, The Hague, 1964, стр. 22.

⁷ Н. С. Т р у б е ц к о й. Основы фонологии, М., 1960, стр. 8.

⁸ J. K u s h a ř, К общей характеристике номинации, «Travaux linguistiques de Prague», 3, 1968, стр. 125.

бы приблизительно верный перевод. Число удачных испытаний превзошло ожидания экспериментатора. Относительная автономность содержания высказывания от значений его компонентов поддается экспериментальной проверке также с помощью испытаний прямо противоположного характера, а именно заданием испытуемым слов и выражений с совершенно прозрачными «словарными» значениями, не представляющих собой сообщений (например, «восемь», «стенка», «зеленый», «и» и т. д.) в ситуациях, которые никак не могут быть увязаны с этими значениями. Вполне естественно, эти акты речи вызвали реакции непонимания («Что восемь?» «Какая стенка?» «О чем вы?»), т. е. некоторое измерение значения осталось неизvestным интерпретатору.

Изложенные здесь соображения наталкивают на вывод о том, что суть собственно «фразового» слоя в глобальном значении высказывания (включающем значения составляющих высказывания) целиком определяется его функцией как средства общения. Наделенные этой функцией бесструктурные сигналы обладают специфически фразовым значением, а лишенные ее «словарно» понятные отрезки говорения лишены и специфически фразового значения, так что значение и функция (или функции), принадлежащие собственно высказыванию (не его составляющим), могут быть отождествлены. Отсюда вывод: если мы хотим построить систему, описывающую содержательные характеристики высказывания, следует принять в качестве исходного материала то, что известно о функциях высказывания. Но рассматривать функции высказывания — значит рассматривать функции языка и речи в целом, поскольку все они интегрируются и реализуются именно в высказывании.

2. Обращаясь к литературе вопроса, обнаруживаем, что среди лингвистов и философов нет не только единства мнений в решении этой проблемы, нет даже единства в ее постановке. Как правило, та или иная функция языка постулируется в качестве единственной или доминирующей как нечто само собой разумеющееся. Акцент на той или иной функции имеет следствием выбор для исследования той сферы языкового материала, для которой эта функция характерна, что в свою очередь в известной мере предопределяет существо теоретических построений. Соответственно почти каждое лингвистическое направление имеет особое (хотя и не всегда четко оформленное) воззрение по данной проблеме. Разбору многообразных мнений о функциях языка можно было бы посвятить специальное исследование (приводимая ниже подборка имеет чисто иллюстративный характер).

Выделялись такие функции языка: 1) средство «объяснять друг другу вещи» (см. выше), т. е. коммуникативная; 2) средство воплощения духа нации (Гумбольдт); 3) средство выражать мысли (Мюллер); 4) средство воплощения индивидуальной психики (Штейнталь); 5) = 1) средство общения (Соссюр, женевская школа); 6) средство эстетического самовыражения (Фосслер); 7) средство актуализации индивидуума в актах общения (лингвисты бихевиористской ориентации); 8) функции символическая и эмотивная (Огден), научная и эстетическая (Черри); познавательная и силовая (Ушенко); 9) информативная, оценочная, систематизирующая, побудительная (Моррис); 10) ключ к системе человеческой психики (Ельмслев); 11) эмотивная, вокативно-императивная, референтная, метаязыковая, поэтическая (Якобсон); 12) коммуникативная (регулирующая поведение), интеллектуальная, функция овладения общественно-историческим опытом человечества, национально-культурная, познавательная (А. А. Леонтьев), и т. д.⁹

⁹ Аналогичную подборку см. в работе Г. В. Колшанского «О функции языка» («Ин. яз. в высш. шк.», 1963, 2).

В рамках советского языкознания существуют резко противоположные точки зрения по этому вопросу: с одной стороны, выдвигаются теории полифункциональности языка (А. С. Чикобава, А. А. Реформатский, Б. Н. Головин, авторы коллективной монографии «Общее языкознание»), а с другой, — язык рассматривается как явление монофункциональное (Г. В. Колшанский, Р. В. Пазухин). В одних работах имеются в виду функции глобального объекта («язык вообще», рассматриваемый безотносительно к членению на систему и текст, сообщение и код), в других говорится о функциях языка как о чем-то отличном от функций речи, причем толкование понятия «функции языка», «функции речи» у разных авторов различно (ср. взгляды А. А. Леонтьева и В. А. Звегинцева). Для полноты картины можно отметить, что многие авторы строят лингвистические системы большой степени общности, совершенно не касаясь вопроса о функциях языка (Р. А. Будагов, Ю. С. Степанов, С. К. Шаумя и И. И. Ревзин и др.).

3. Мы полагаем, что проблема функций языка (и тем самым значения высказывания) может быть правильно поставлена и решена лишь в рамках определенного взгляда на язык как семиотический феномен. При таком подходе вопрос о функциях языка ставится на конкретную почву обсуждения функций и свойств языковых знаков. Базой позитивного решения проблемы будут следующие определения.

Знак есть материальное объективно воспринимаемое образование, предмет¹⁰, конституируемый в качестве знака своими отношениями 1) обозначения — к материальным или идеальным предметам, 2) выражения — к отражению этих предметов в психике, 3) импликации — к другим знакам. Соответственно можно выделить три основные функции знака — семантическую, прагматическую, синтаксическую¹¹. Знак в указанном смысле — это «реальный знак»¹², знак в процессе семиозиса, употребляемый конкретным субъектом для обозначения определенных сущностей и фактов, находящийся в конкретных, определяемых ситуацией и контекстом отношениях к другим знакам — отношениям выбора и сцепления. Будем называть такой знак актуализованным знаком (А-знаком), а его функции — актуализованными функциями (А-функциями).

Выделение А-знаков предполагает, что они в каком-то смысле существуют, и не будучи актуализованными. Предпосылкой актуализованного бытия знака является языковая способность, знание (разумеется, не только сознательное) кода, позволяющее субъекту соотносить знаки и предметы примерно таким же образом, как и множество других членов языковой общности. При рассмотрении знака как элемента кода (назовем его кодовым знаком, или К-знаком) в сравнении с А-знаком обнаруживаем, что его функции претерпевают определенные изменения в сторону абстрагирования. Прежде всего он лишается перцептивной функции¹³, т. е. атрибута чувственной воспринимаемости (с этой точки зрения вряд ли можно согласиться с распространенным определением языка как системы материальных знаков). Против этого можно возразить, что можно «материализовать» знак, не актуализуя его (ср. приводившиеся выше примеры типа «восемь», «стенка»)¹⁴. Однако естественно видеть здесь

¹⁰ В смысле А. А. Зиновьева; см.: А. А. Зиновьев, Об основах абстрактной теории знаков, «Проблемы структурной лингвистики», М., 1963.

¹¹ В классической работе Я. Морриса эти функции рассматриваются как три и з м е р е н и я семиозиса, но их определение — чисто функциональное, в духе сказанного выше; см.: Ch. Morris, Foundations of the theory of signs, Chicago, 1945, стр. 6.

¹² А. А. Леонтьев, Язык, речь, речевая деятельность, М., 1969, стр. 47.

¹³ А. А. Реформатский, Введение в языковедение, М., 1967, стр. 29.

¹⁴ Аналогичными примерами фрагментарного цитирования системы знаков оперирует А. А. Ветров (см.: А. А. Ветров, Семиотика и ее основные проблемы, М., 1968).

просто пример крайне ущербной актуализации знака — случай, когда функции знака оказываются плохо определенными (в особенности в том, что касается денотативной функции). Практика свидетельствует, что случаи идеальной актуализации знаков вообще не бывает, и что удачность актуализации варьирует в чрезвычайно широком диапазоне. Отсюда вывод: не следует исключать из множества А-знаков и примеры плохо актуализованных знаков, относя их целиком к коду.

В «снятом» виде представлены в коде и другие К-функции знака, являющиеся отвлечениями от его А-функций. Абстрактный характер К-функций предопределяется утерей знаком его перцептивной функции при транспозиции его в систему, в код. О К-знаке можно говорить лишь как о некоей нематериальной точке в множестве других точек, положение которой в так называемом поэтическом пространстве определяется тремя координатами, принадлежащими трем классам К-функций.

Так, денотативная, или референциальная функция А-знака не может быть прямо перенесена в код: нематериальный знак не имеет актуальной соотношенности с определяемыми условиями семиозиса фактами и сущностями. В этом плане К-знак определяется особой семантической К-функцией — десигнативной, т. е. отношением потенциального обозначения фактов и сущностей некоторых классов.

Прагматическая функция А-знака — быть выразителем отношения данного субъекта к миру объективных предметов и к партнеру в конкретном семиотическом акте. В понятие соответствующей К-функции входят обобщенные, константные признаки совокупного множества знаков, рассматриваемых как средство воплощения указанных отношений, т. е. способа перцепирования субъектами объективного мира и их позиции в коммуникативном акте.

Синтаксическая функция А-знаков определяется их логической связанностью с другими А-знаками и способностью заменять другие А-знаки в определенных ситуациях. Соответствующая К-функция воплощает общие признаки, в которых манифестируется соотношенность знаков с другими знаками на синтаксической и парадигматической осях системы. А-функции являются, таким образом, манифестациями К-функций, они всегда богаче по содержанию, но беднее по объему, чем последние.

Имеются существенные различия между А-знаками по способу проявления в них К-функций. В одних случаях в А-знаках манифестируются центральные значения К-функций, в других — маргинальные. Различия между ними — в степени определенности: центральные значения К-функций определены точно, маргинальные — приблизительно. Эти кодовые характеристики детерминированы особенностями использования знаков в речевой деятельности: центральные кодовые значения знаков актуализируются в речи узуально, а маргинальные — окказионально. Противопоставление центральных и маргинальных значений в семантическом измерении покрывает, как представляется, различие значения и содержания (и соответственно универсальных и частных высказываний), проводимое Л. Анталом¹⁵. Однако, в отличие от указанного автора, мы полагаем, что в компетенцию лингвистики входит изучение как центральных, так и маргинальных значений, поскольку и те, и другие содержатся в коде, хотя и в различных субкодах, которым должны соответствовать различные лингвистические субмодели. Все значения составляющих актуального знака предсказуемы на основании К-функций — в более или менее обобщенной форме. С этой точки зрения, задача заключается в том, чтобы разработать типологию субкодов и изучить их взаимоотно-

¹⁵ L. Antal, указ. соч., стр. 21 и сл.

пения друг с другом, а также с лингвистическими кодами. Последнее оказывается необходимым, так как в семиотическом акте взаимопонимание достигается не только с помощью натурального звукового языка, — в нем функционируют также иные знаковые системы. Кроме того, сам А-знак как физическое явление включает аспекты и компоненты, релевантные относительно семиозиса, но не относящиеся к коду натурального знака, а лишь создающие так называемый образ говорящего.

4. Дальнейшее уточнение функций языкового знака связано с выделением из всего множества А-знаков основной знаковой единицы. Из данного ранее определения знака ясно, что в качестве такой основной единицы следует принять высказывание, точнее, минимальное высказывание — фразу¹⁶. Образуемый кодовыми характеристиками класса фраз абстрактный объект будем называть семионом. Составляющие фразы являются А-знаками именно в качестве составляющих фразы, поэтому их можно считать вторичными А-знаками, а классы таких вторичных знаков, задаваемые кодовыми характеристиками, естественно называть синсемионами. Образования более сложные, чем фраза — цепь связанных фраз, абзац, строфа, глава¹⁷ — актуализируются пофразно и потому поддаются описанию в терминах семионов и синсемионов. Ввиду этого они также не могут претендовать на роль центральной из знаковых единиц¹⁸; классы гиперфраз, взятых в содержательном аспекте, можно обозначить термином эписемионы¹⁹.

Возвращаясь теперь к определению высказывания § 1, видим, что определение его по коммуникативной функции было не неверным, но далеко не полным. Кодовые содержательные характеристики фразы (то, что входит в понятие семиона), вовсе не исчерпываются тем измерением семиозиса, которому принадлежат ее коммуникативные свойства. Вполне очевидно, что признаки, определяющие коммуникативную целевую установку высказывания (функции декларативная, побудительная, вопросительная) входят в прагматическое измерение (как в родовую функцию). Так же очевидно, что они этого измерения не исчерпывают: имеется группа признаков высказываний, выделяемых безотносительно к двусторонности акта общения — в плане отношения высказывания к высказываемому. Признаки этого последнего типа (видовые функции) можно было бы назвать экспликативными (родовая функция). Сюда входят актуальная расчлененность, расчлененность на субъект и предикат (и соответственно отсутствие таких членений), утвердительность — отрицательность, полнота — неполнота, законченность — незаконченность и т. д.

Прагматическое измерение значения высказывания в звуковом языке является доминирующим, но это не значит, что содержание семиона может быть адекватно описано без учета двух других измерений — семантического и синтаксического. Признаки семантического порядка (такие,

¹⁶ Эта точка зрения аргументируется в таких, например, работах: В. Г. Гак. О двух типах знаков в языке (высказывание и слово), «Материалы к конференции „Язык как знаковая система особого рода“», М., 1967; А. С. Мельник. О знаковой природе предложения, там же; L. J. Prieto, Principes de poologie, The Hague, 1964.

¹⁷ Для этих образований нами предложен термин «гиперфразы», см.: С. Н. Сыроваткин, О путях совершенствования порождающих моделей языка, «Вопросы английской филологии», Пятигорск, 1966.

¹⁸ Противоположная точка зрения выражена Д. С. Уортом (указ. соч.).

¹⁹ Использование терминов «семион» и «эписемион» в настоящей работе не имеет ничего общего с их применением С. К. Шаумяном, который из всех функций знака рассматривает лишь десигнативную; см.: С. К. Шаумян, Структурная лингвистика, М., 1965.

как отношение высказывания к действительности) непременно присутствуют во всех теориях высказывания, не ограничивающихся формальной стороной языковых явлений. В свете сказанного ясно, что описания высказываний в этом аспекте недостает общей перспективы. Например, вне семиотического подхода вряд ли может быть осознан тот факт, что отношение высказывания к фрагменту действительности (объективной или воображаемой) есть родовая функция, могущая быть расчлененной на ряд видовых признаков — таких, как категорематичность (мотивированность фразы некоторым фактом, событием, отсылка к которому составляет содержание фразы), энтичность (способность фразы обозначать «сущности», т. е. предметы в отвлечении от акциденций), мотивированность (причинно-следственную связь фразы с денотатом), темпоральность, модальность и др.

Синтаксические значения также входят неотъемлемой частью в характеристику семиона. Как указывалось выше, синтаксическое измерение значения высказывания покрывает многообразные отношения импликации знаков в синтагматике и парадигматике. В последнее время наблюдается мощное (правда, скорее по объему, чем по результатам) развитие исследований в области взаимосвязи высказываний на синтагматической оси — в особенности на материале русского и английского языков. Как представляется, в большинстве этих исследований²⁰ отчетливо проявляется тенденция применять метаязык лингвистического синтаксиса за пределами его законной области — отношений синсемионов. Прогресс в этой сфере невозможен без осознания несостоятельности таких операций и перехода на метаязык с е м и к и — так можно предположительно назвать отрасль лингвосемиотики, имеющую своим объектом функционирование высказываний в контексте семического акта. Выступающая в качестве родовой имплицативная функция может быть расщеплена на ряд видовых — таких, как функция респонсивности (ответ имплицитно подразумевает вопрос), элицитивности (в паре высказываний первое содержит недостаточную информацию, запрашиваемую с помощью второго, элицитивного высказывания), дискутивности (дискутивная фраза имплицитно предшествующую в силу того, что выражает согласие или несогласие субъекта с высказанным в этой предшествующей фразе), и т. д.

5. Разумеется, приведенные здесь соображения — не более чем эскиз системы содержательных характеристик высказываний, формулируемой на семиотической основе. За пределами статьи остались такие проблемы, как: 1) обоснование метода, с помощью которого точно и единообразно фиксируются видовые функции, частично перечисленные выше; 2) оценка выдвинутой гипотезы о системе семических функций с точки зрения ее простоты и полноты, или продуктивности; 3) вероятно-статистическая интерпретация логической схемы. Работа в этих направлениях подтверждает плодотворность семиотического подхода к описанию содержательной стороны высказываний.

²⁰ Имеем в виду работы Н. Ю. Шведовой (в особенности «Очерки по синтаксису русской разговорной речи». М., 1960), Г. А. Вейхмана, С. С. Беркнера и др.